

неразличимость принимало формы антропо- и биоморфизма, а в лингвосемантическом плане — форму синонимизации.

4. *Образы современной науки как результат ее мифологизации.* Получается, что тенденции, во многом характерные для современного научного познания и ведущие к размыванию ее классического образа, вполне можно рассматривать в качестве проявления мифологизации науки. К таким тенденциям можно отнести: стремление к плюрализму в сфере научной истины, отрицание абсолютного обоснования научных теорий и релятивизм, субъективизацию принципа объективности, конвенционализм, выявление позитивной роли контекста и внеучной среды в процессе возникновения нового научного знания, наблюдающееся сближение естественно-научной и гуманитарной культуры и гуманитаризацию науки, а также многое другое. Теперь речь идет не об отграничении субъективного от объективного, о об их сближении и неразличимости. Наука все больше виртуализируется не только в отношении ее методов, но и в отношении ее предмета.

1. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. М., 1972. С.300.

2. Романенко Ю.М. Онтология мифа: Учеб. пособие. СПб., 2006. С.18, 21.

3. См.: Ляховецкий Л.А. Существует ли концепция происхождения философии? // Вопросы философии. 1994. № 12.

О.В. Кузнецова, А.В. Осинцев
Екатеринбург

МИФ, МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Сравнительное исследование мифологического и научного предполагает удвоение сложности и опасностей подстерегающих на этом пути. В силу ограниченности места, мы не будем здесь приводить определений (многочисленных) науки, научной рациональности или мифологии, и обратим внимание лишь на некоторые аспекты рассматриваемой проблемы.

Конец XIX и XX век принесли новые веяния, как в представления о мифе, так и о науке. Миф, в исследованиях З. Фрейда, К.Г. Юнга, Э. Кассирера, К. Леви-Строса, М. Элиаде предстал не

как следствие заблуждения первобытного разума, но как результат неких сущностно важных явлений. Наука же и научная рациональность, в трудах Т. Куна и П. Фейерабенда, явились в облике догматических парадигм и иррациональных способов постижения и критериев предпочтения. Научная рациональность теперь могла восприниматься не как некая вершина разумности, а как «одна из многих форм мышления... и не обязательно самая лучшая»¹. Сформировалась тенденция, к размыванию границ и к существенному сближению мифа и науки. Наука всегда хотела найти формальный критерий истины и, помимо решения своих специфических проблем, поставить его основанием отграничения от себя смутных «истин» мифа и религии: «Для науки специфично добывание не любого, но рационально обоснованного знания. Логика... ставит на пути познания препятствия, не позволяющие некритически поддаваться... неясным интуициям и предрассудкам»². Однако, логика, по существу, может дать нам лишь представление о непротиворечивости, но не истинности. Логика зависит от выбора аксиом, последние же (ибо их доказательство стремится к дурной бесконечности) могут быть сближены со смутными мифическими интуициями³. Марксистский критерий практики не только ограничен (затруднительно его применение, к примеру, в области астрофизики или математики) но, пожалуй, и не совсем точен: предлагается доказывать правильность понимания явления «тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям...»⁴. Относительно мифологического мышления заметим, что и маг, по его мнению, реализует в своей практической деятельности те же принципы, и если мы ему возразим, он не согласится с нашими доводами точно так же, как мы не согласны с его. И здесь критерий не выходит за рамки мировоззрений. Кроме того, есть мнение, что познавательная деятельность, чтобы стать наукой, должна сложиться как деятельность принципиально лишённая непосредственной практической пользы⁵.

Неудачи в поиске формального критерия привели к смещению научного поиска от истины к языку. С прочими критериями разграничения мифологии и науки, по-видимому, происходит примерно то же, что и с истиной. По-видимому, придется отказаться от существенных параметров дискретного разграничения мифа и науки. На дискретность, по-видимому, могут претендо-

вать критерии лишь менее существенные. Различия в наиболее важных чертах лежат скорее в сфере доминант, акцентов, нежели жестких дихотомий.

Науку и миф большее объединяет, нежели разделяет. М.Д. Ахундов говорит о парадоксальном впечатлении, что почти все фундаментальные представления о пространстве и времени уже давно созданы⁶. В первобытном мифологическом сознании проявились неотъемлемые черты науки, такие как жажда познания⁷, способность классифицировать по различным критериям, представления о причинно-следственной связи⁸, а также антропоморфизм⁹ и антропный принцип¹⁰. Механизм открытия, в принципе, один и тот же, пусть и является в четырех различных формах, соразмерно интенсивности и широте проявления (интуиция, озарение, просветление, откровение), и он иррационален. Правда, согласно исследованиям Ж. Адамара¹¹, науке доступны лишь первые две формы. Голосовкер прямо отождествляет мифологию с гносеологией¹². В.В.Налимов говорит о сосуществовании в сознании человека двух логик: Аристотелевой и бейесовской¹³. И это делает логический критерий (отсутствия в мифе формализованной, Аристотелевой, логики), не столь уж существенным (подобно расплывчатому Кантову принципу ответственности). Критерий рационального пути так же нужно воспринимать в том русле, что выход за пределы рациональности может совершаться не только в процессе совершения открытия, но и при его последующем логическом обосновании. Рациональность пути малозначительна вне существенного результата (что подспудно разумела и наука) и, подчас, способна разрушать жизненно важные механизмы: магический ритуал или жертвоприношение перед опасным предприятием весьма полезны, для верящих в их силу, знание же о «истинных процессах» — наоборот. Психологические средства хороши, когда их механизмы скрыты. Более того, по Р. Жирану, жертвоприношение потому и обладает многочисленными масками, надежно скрывающими его сущность, что сущность эта способна погубить человечество, если бы человек не был защищен непониманием¹⁴.

¹ Фейерабсид П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С.450.

² Шрейдер Ю.А. Перпятствие — логика // Природа. 1992. №1. С.80, 81.

³ Косарев А.Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. М.; СПб., 2000. С.99.

⁴ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т.21. С.284.

⁵ Левин А.Е. Миф, технология, наука // Природа. 1977. №3. С.101.

⁶ Ахундов М.Д. Пространство и время: от мифа к науке // Природа. 1985. № 8. С.53, 54.

⁷ Левин-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 114.

⁸ Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М., 1980. С.109.

⁹ Косарев А.Ф. Философия мифа... С. 210.

¹⁰ Идлис Г.М. Основные черты наблюдаемой астрономической Вселенной как характерное свойство космической системы // Изв. Астрофизич. ин-та АН КазССР. 1958. №7. С.39—54.

¹¹ Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики / Пер. с фр. М., 1970. 152 с.

¹² Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1986. С.10.

¹³ Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989. С.118.

¹⁴ Жирар Р. Насилие и священное / Пер. с фр. М., 2000. С.146.

С.В. Ольховикова
Екатеринбург

НАУКА И МИФ: ДВА АСПЕКТА РАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Изначально наука противопоставляет себя, а в своем лице и все рациональное познание, мифу. Однако, в процессе научного исследования логики мифомышления, складывается, по сути, двойственная ситуация. С одной стороны, исследователи, казалось бы, подтверждают эту несовместимость мифа и науки, формируя образ «особости», вообще отличной от рационального постижения действительности. С другой стороны, сами попытки понятийного объяснения этой «особости» вполне нацелены на преодоление этой пропасти между научной рациональностью и мифом, довольствуясь при этом вполне частичными и относительными результатами.

Философия мифа сформировалась в качестве междисциплинарной области исследований из многочисленных и разнообразных попыток «навести мосты» между мифом и рациональностью в сфере фундаментальных категорий. Этнографические и антро-